

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЗИЮ» – ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС Б. ОБАМЫ: ИТОГИ ПЯТИ ЛЕТ РЕАЛИЗАЦИИ

© 2014 г. **Я.В. Лексютина***
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье подводятся итоги пяти лет реализации внешнеполитического курса Б. Обамы «Возвращение в Азию». Дается анализ причин, побудивших американское руководство перенести центр тяжести внешней политики в АТР, особенностей нового азиатско-тихоокеанского курса. Значительное внимание уделено достигнутым результатам, а также проблемам, с которыми сталкиваются США в ходе расширения своего экономического и военно-политического регионального присутствия.

Ключевые слова: «Возвращение в Азию», политика Б. Обамы в АТР, «поворот к Азии», АТР, США, Китай, безопасность в АТР, Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), американо-китайские отношения.

С момента инициирования Б. Обамой «Возвращения в Азию» прошло более пяти лет, что позволяет сделать определённые выводы и подвести некоторые итоги его реализации, выделив достигнутые результаты и указав проблемы, с которыми сталкивается Вашингтон на этом региональном направлении своей внешней политики, а также оценить влияние возросшей вовлечённости США в дела АТР на региональную ситуацию.

Новый внешнеполитический курс США в АТР

Возрождение интереса к АТР со стороны США можно отнести к концу первого десятилетия XXI века, когда в Вашингтоне в полной мере сформировались представления о непреложности повышения роли АТР в глобальной внешнеполитической стратегии США и настоятельной необходимости полномасштабного «возвращения» в регион. В связи с происходящими изменениями в АТР, его выходом на авансцену мировой экономики и политики, стратегическая значимость этого региона стала стремительно возрастать, и магистральную внешнеполитическую задачу сохранения глобального лидерства США стали тесно увязывать с поддержанием их доминантных позиций именно в этой части мира. Обновленное американское видение современной роли АТР в международных процессах как нельзя лучше было отражено в словах помощника госсекретаря по вопросам Южной и Центральной Азии Р. Блейка: «Су-

* ЛЕКСЮТИНА Яна Валерьевна – доктор политических наук, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: lexuyana@yandex.ru.

щественная часть истории XXI века будет написана в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе» [24].

В основе возросшего интереса Вашингтона к АТР лежит ряд обстоятельств и тенденций развития этой части Азии. Так, для США как крупнейшей торговой державы весьма важным представляется то, что в XXI веке АТР прочно занял нишу наиболее динамично развивающегося региона мира, где концентрируется свыше половины глобального объёма производства, более половины населения планеты (и соответственно широкий потребительский рынок), проходят важные морские торговые пути. Для Вашингтона современный АТР несёт в себе как огромные возможности, так и серьёзные вызовы. А именно, исключительно пристального внимания со стороны США, взявших на себя роль мировой сверхдержавы, ответственной за поддержание миропорядка и международной безопасности, требуют многочисленные традиционные вызовы безопасности, которые исходят из АТР. Далеко не полный перечень угроз включает: северокорейскую ядерную проблему; территориальные противоречия между Россией и Японией вокруг Курильских о-вов/Северных территорий, между Южной Кореей и Японией относительно о-вов Токто/Такэсима, между Китаем, Японией и Тайванем вокруг о-вов Дяюйдао/Сэнкаку/ Дяюйтай, между Китаем, Тайванем и группой государств АСЕАН относительно о-вов Парасельских и Спратли; китайско-индийские территориальные споры; индо-пакистанские противоречия; и, наконец, тайваньскую проблему.

Не остались незамеченными в Вашингтоне происходящие в последние годы в АТР колоссальные изменения, начиная с эпохальных смен политических элит и сдвигов во внутривнутриполитической жизни стран, заканчивая стремительным ростом экономической мощи таких стран, как Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам и др., а также беспрецедентным развитием региональных интеграционных экономических процессов. Особенно важным с точки зрения возможного влияния на американские позиции представляется то, что сейчас в АТР происходит перекройка всего регионального ландшафта, в экономической сфере предпринимаются попытки формирования «правил игры». Происходящее формирование новой экономической архитектуры региона обуславливает необходимость для США подключения к этому процессу, чтобы направить его в отвечающее американским интересам русло. Как указал Б. Обама в ноябре 2009 г., «будучи азиатско-тихоокеанской державой, США рассчитывают принять участие в дискуссиях, которые будут формировать будущее региона» [21].

Более того, прямым следствием возвышения ряда азиатских государств стало изменение конфигурации и баланса сил в АТР, что вызывает крайнюю обеспокоенность США. Как отмечают эксперты влиятельного американского Центра стратегических и международных исследований, «с момента упадка Британской морской мощи в Тихом океане в конце XIX века базовой геостратегической целью США в Азии и в Тихом океане выступает поддержание такого баланса сил, который бы не допустил возникновения в регионе государства-гегемона, создающего угрозу американским интересам путём ограничения или доминирования в морском пространстве» [25, р. 13].

В этой связи наиболее сильные опасения Вашингтона вызваны усилением комплексной национальной мощи и влияния Китая, который сейчас почти

единодушно оценивается американскими аналитиками в качестве наиболее вероятного соперника Вашингтона в борьбе как за региональное, так и за глобальное лидерство. Временное самоустранение США от активного участия в делах АТР, последовавшее за окончанием «холодной войны», позволило КНР на протяжении более чем десятилетия беспрепятственно укреплять свои позиции. Расширяющийся масштаб экономических, дипломатических и иных связей Китая со странами АТР и в целом высокий потенциал этого крупнейшего восточноазиатского государства позволил бросить вызов лидерству США в регионе, что стало одним из важнейших факторов, определивших решение Вашингтона о смещении стратегического центра тяжести своей внешней политики в АТР.

Осознание необходимости восстановления своих отчасти утраченных позиций в этой части мира и недопущение становления Китая в качестве регионального лидера произошло в последние годы пребывания Дж. Буша-мл. на посту президента и в полной мере было отражено во внешнеполитической стратегии Б. Обамы, к моменту избрания которого на высший государственный пост в полной мере сформировались условия для полномасштабного многовекторного «возвращения» США в АТР.

Во-первых, близилась к завершению отвлекавшие всё внимание Вашингтона с начала XXI века военные действия в Ираке и Афганистане. Планируемое сокращение там американского военного присутствия и окончание острой фазы борьбы с международным терроризмом позволили администрации Обамы сконцентрировать усилия на АТР. Во-вторых, разразившийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис обусловил повышение значимости АТР, в меньшей мере испытавшего негативные последствия кризиса и ставшего в известном смысле «спасательным кругом» мировой экономики. На АТР с 2000 г. приходится около трети всего внешнеторгового оборота США со странами мира, регион является крупнейшим получателем американского импорта и вторым по значимости после Северной Америки экспортным рынком. Развитие торговли с переживающими экономический подъём восточноазиатскими странами было поставлено во главу угла.

Азия стала важнейшим регионом приложения предложенной Б. Обамой в 2010 г. Национальной экспортной инициативы как антикризисной стратегии, ставящей цель удвоения объёмов американского экспорта к 2015 г. по сравнению с 2010 г. и создания 2 млн. новых рабочих мест. В качестве центральных задач на азиатско-тихоокеанском направлении в русле преодоления экономической рецессии Вашингтоном были выдвинуты расширение экспорта в Азию и реализация в высшей степени амбициозного проекта создания новой зоны свободной торговли – Транстихоокеанского партнёрства.

Исключительно благоприятное сочетание сложившихся международных условий и стремления американского руководства повысить роль АТР во внешнеполитической стратегии сделало возможным инициирование администрацией Обамы в 2009 г. курса на «возвращение в Азию». Несколько позднее, в 2011 г., было широко анонсировано смещение геополитического фокуса США в Азиатско-Тихоокеанский регион, известное как «поворот к Азии». В качестве основных направлений усилий в рамках новой стратегии США были вы-

двинуты: укрепление системы военно-политических союзов со странами региона (Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Таиландом и Австралией), упрочение существующих и формирование новых партнёрских отношений с другими ключевыми государствами (прежде всего, с Вьетнамом, Малайзией, Индонезией, Индией и Сингапуром), участие в многосторонних форматах взаимодействия и в особенности интенсификация контактов с АСЕАН, расширение торговли и инвестиций, а также распространение принципов демократии и прав человека (с акцентом на Мьянму и Вьетнам) [9].

Новый американский внешнеполитический курс в АТР отличает ряд особенностей.

Во-первых, особое место в нём отводится расширению американской вовлечённости в дела Юго-Восточной Азии, по отношению к которой Вашингтон с момента окончания войны во Вьетнаме длительное время сохранял определённую дистанцированность [3, с. 79]. Сегодня приоритетность Юго-Восточной Азии и района Южно-Китайского моря в иерархии региональных интересов США неуклонно повышается.

Во-вторых, прослеживается тенденция расширения трактовки географического охвата АТР. Теперь АТР рассматривается как включающий не только Северо-Восточную и Юго-Восточную Азии, Австралию, Новую Зеландию, острова Тихого океана, Индию и Пакистан, но и район Индийского океана. По мнению экспертов Исследовательской службы Конгресса, в качестве обоснования подобной расширенной трактовки АТР выступает высокая стратегическая значимость проходящих через Индийский океан и далее Малаккский пролив в Восточную Азию морских путей транспортировки энергетических ресурсов и промышленных товаров, а также усиливающееся стратегическое соперничество между Китаем и Индией [15, р. 5]. С последней у США сформировались весьма тесные многоплановые отношения, и на протяжении продолжительного времени Вашингтон прикладывает усилия по более тесному вовлечению её в дела АТР и Восточной Азии. Тот факт, что Тихоокеанское командование США проводит наибольшее количество совместных военных учений именно с Индией, свидетельствует о многом. Индия, чей конфликтный потенциал с Китаем весьма высок ввиду неразрешённых территориальных противоречий, фактора Пакистана и нарастающего соперничества в Индийском океане, рассматривается Вашингтоном как важный партнёр по уравниванию регионального влияния Пекина. Весьма симптоматично то, что американские официальные лица всё чаще стали называть АТР как Индийско-Тихоокеанский регион.

Третьей новацией в американской стратегии в АТР стало возросшее участие США в многосторонних региональных механизмах. Ввиду бурно протекающих в этом регионе процессов создания новых институтов и интеграционных объединений, США, долгое время отдававшие предпочтение развитию отношений со странами региона на двусторонней основе, обнаружили необходимость именно многостороннего формата взаимодействия. Потенциальная вероятность маргинализации США в формирующейся новой экономической и политической архитектуре АТР заставила Вашингтон переоценить свои подходы к формам вовлечённости в регионе.

В первую очередь это касалось АСЕАН, которую ранее в США рассматривали как бесперспективное объединение малых пассивных государств, державшихся в фарватере великих держав и зависящих от сохранения баланса сил между ними [8, с. 191]. Современные реалии Восточной Азии, состоящие в существенно укрепившейся роли АСЕАН в региональных делах и замкнутости на ней современных интеграционных процессов, объективно поставили задачу укрепления связей с этой организацией в ряд наиболее важных для усиления американских позиций в АТР. Администрация Дж. Буша-мл. предприняла серию инициатив по расширению контактов с АСЕАН: назначен первый посол США при АСЕАН (2007 г.), предоставлена помощь для усиления Секретариата организации, а также подписано Рамочное соглашение о торговле и инвестициях (2006 г.).

Предложенная Дж. Бушем-мл., но так и нереализованная им идея создания механизма регулярных саммитов лидеров государств диалогового партнёрства США – АСЕАН, была претворена в жизнь уже Б. Обамой, продолжившим заданные его предшественником темпы интенсификации связей с этой организацией. В феврале 2009 г. состоялся первый в истории американо-асеановских связей официальный визит госсекретаря в Секретариат АСЕАН, а в июле 2009 г. США подписали основополагающий Балийский договор о дружбе и сотрудничестве стран АСЕАН 1976 г., присоединения к которому длительное время Вашингтон избегал. Подключение к этому договору расширило поле взаимодействия США с АСЕАН и открыло им возможность присоединения к созданному в 2005 г. Восточноазиатскому саммиту, который стал важной региональной диалоговой площадкой. Уже 30 октября 2010 г. США стали полноправным участником Восточноазиатского саммита и в ноябре 2011 г. впервые приняли участие во встрече лидеров ассоциированных государств.

Новый американский внешнеполитический курс в АТР, нацеленный на укрепление роли США в регионе и расширение американского присутствия, стал развиваться по двум основным векторам: экономическому и военно-политическому.

«Возвращение» США в Азию: экономические аспекты

Первоочередной задачей экономического вектора усиления влияния США в АТР стало направление региональных интеграционных процессов в выгодное для Вашингтона русло, стремление занять руководящую роль в формировании новой экономической архитектуры АТР и в создании региональной системы правил в сфере торговли и инвестиционной деятельности. Такая постановка вопроса была обусловлена динамично развивающимися процессами экономической интеграции в АТР. Невзирая на то что азиатские страны сравнительно поздно стали использовать такого рода соглашения в качестве инструмента своей торговой политики, в период с 2000 по апрель 2013 г. число соглашений резко увеличилось с трёх до рекордных 76 [16]. Более того, на момент активизации политики США в АТР в 2008–2009 гг. на протяжении продолжительного времени в регионе велась целенаправленная работа над заключением об-

ширного регионального торгового соглашения о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), наподобие общих рынков ЕС или НАФТА. При этом наиболее известными и обсуждаемыми проектами на тот период времени были зоны свободной торговли АСЕАН+3 и АСЕАН+6, обе исключавшие участие США.

В этой связи в целях недопущения маргинализации и утраты лидерской роли в обретающем новые очертания экономическом пространстве АТР Вашингтон приступил к формированию собственного интеграционного объединения, основанного на диктуемых им принципах и правилах и в полной мере способствующего реализации американских интересов. Внимание Вашингтона привлекло созданное в 2005 г. Брунеем, Новой Зеландией, Сингапуром и Чили Транстихоокеанское стратегическое экономическое партнёрство, на основе которого США намеревались заключить новое всеобъемлющее региональное торговое соглашение, предполагающее создание ЗСТ Транстихоокеанского партнёрства (ТТП). Начало переговоров о ТТП было положено заявлением Б. Обамы в 2010 г. на встрече лидеров АТЭС в Йокогаме. Поддержав инициативу США, в переговоры о присоединении к этому объединению тогда вступили Австралия, Малайзия, Перу и Вьетнам. В ноябре 2011 г. в ходе встреч лидеров стран АТЭС в Гонолулу Вашингтон снова поднял этот вопрос и всячески акцентировал перспективность зоны свободной торговли [12]. Выдвижение идеи о ТТП стало символом дипломатического и экономического возвращения США в регион и одним из центральных элементов курса «поворота к Азии» Б. Обамы.

На завершающей стадии переговоров о создании ТТП (декабрь 2013 г.) его участниками стали 12 государств (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония) с населением около 796 млн. человек (примерно 11% мирового населения) и общим ВВП в размере 27,53 трлн. долл., что составляет 38,3% мирового ВВП (данные на 2012 г. [27]. – *Я.Л.*). Товарооборот Соединённых Штатов со странами ТТП в 2013 г. достиг 1,55 трлн. долл., или 40,3% всего товарооборота США с миром [26].

Транстихоокеанское партнёрство, позиционируемое Вашингтоном как «золотой стандарт» или «соглашение XXI века», предполагает всестороннюю глубокую либерализацию торговли и инвестиционной деятельности и устанавливает весьма высокие стандарты в вопросах функционирования госпредприятий, госзакупок, правовых стандартов трудовых отношений, защиты окружающей среды, защиты прав интеллектуальной собственности, прав инвесторов. Представляется, что выдвижение высоких требований к странам – участникам партнёрства, до сих пор в совокупности не воплощенных ни в одном функционирующем торговом объединении, а также слишком существенные различия в уровне экономического и социального развития этих 12-ти стран ставят под сомнение успешность реализации этой инициативы Вашингтона. Даже такая передовая рыночная экономика, как Япония, длительное время не решалась вступить в переговоры по ТТП. Анонсированное 15 марта 2013 г. премьер-министром Японии Синдзо Абэ решение о подключении к переговорам было продиктовано не потенциальными экономическими выгодами от участия в соз-

даваемом объединении, а стремлением укрепить отношения с США на фоне обострившихся территориальных споров с Китаем.

Артикуляция столь высоких требований к странам – участникам ТТП обусловлена, по меньшей мере, двумя причинами.

Во-первых, Вашингтон был вынужден продемонстрировать принципиальное различие между уже развиваемыми странами региона инициативами региональной интеграции (АСЕАН+3, АСЕАН+6) и новым американским интеграционным объединением ТТП. В противном случае, у стран региона возник бы вполне резонный вопрос о целесообразности создания дублирующего торгового блока и дальнейшего раскручивания так называемого феномена «спагетти» (*spaghetti bowl*), при котором увеличение численности зон свободной торговли может приводить к эффекту наложения и, соответственно, хаотичности региональной торговли [1, с. 68].

Во-вторых, США намеревались таким образом либо предотвратить вхождение Китая в это интеграционное объединение как неудовлетворяющего заявленным Вашингтоном критериям участия, что поставило бы КНР в потенциально невыгодное положение страны, исключенной из преференциальной торговой зоны, либо заставить его принять традиционно предъявляемые Соединёнными Штатами требования относительно ревальвации национальной китайской валюты и защиты прав интеллектуальной собственности. Постоянная демонстрация Вашингтоном принципа открытости ТТП и приглашение Китая присоединиться к создаваемому объединению представляется не более чем уловкой или демагогией, поскольку удовлетворение всех условий вхождения в ТТП для Пекина равнозначно уступкам по всем традиционно предъявляемым США требованиям в торгово-экономической сфере.

Продвигаемая Вашингтоном идея Транстихоокеанского партнёрства представляет собой конкуренцию другой модели региональной интеграции, отвечающей интересам Китая, – Всеобъемлющему региональному экономическому партнёрству (ВРЭП), предполагающему создание зоны свободной торговли в формате АСЕАН+6. Переговоры об организации асеаноцентричного интеграционного объединения велись лидерами восточноазиатских государств уже давно, задолго до планов Вашингтона создать ТТП. На официальном же уровне намерение создать ВРЭП было озвучено в ноябре 2011 г. в ходе 19-го саммита АСЕАН, а уже на следующем саммите в Пномпене 20 ноября 2012 г. было объявлено о начале переговоров. Завершение переговоров по созданию нового соглашения запланировано на конец 2015 г. [10].

По своему масштабу и экономическому потенциалу Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство не уступит ТТП. Оно включает 10 стран АСЕАН и шесть асеановских партнёров по соглашениям о свободной торговле (Австралию, Индию, Китай, Новую Зеландию, Южную Корею и Японию) с численностью населения свыше 3,4 млрд. человек (более 48% мирового населения) и совокупным ВВП в размере 21,23 трлн. долл., что эквивалентно 29,5% мирового ВВП [26]. Между тем, предъявляемые к странам-участницам требования существенно ниже, чем в случае с ТТП, что делает ВРЭП более экономически привлекательным для целого ряда восточноазиатских государств, не готовых к глубокой либерализации торговли.

Таким образом, в АТР развитие получили две альтернативные модели региональной экономической интеграции: Транстихоокеанское партнёрство и Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство. В теории, да и на практике, эти два объединения могут функционировать параллельно, участие какого-либо государства в одном из них ни в коей мере не исключает возможность членства в другом. Однако нельзя исключать вероятность приоритетного развития интеграционных процессов в АТР только по одному из этих двух сценариев, что приведёт к существенному укреплению региональных позиций одного из государств в ущерб интересам другого – либо США, либо Китая. У большинства экспертов не вызывает сомнения доминантная роль США в ТТП, куда, несмотря на формальную открытость этого объединения, вторая экономика мира – Китай – вряд ли будет входить из-за особенностей предъявляемых критериев. Доля США в общем ВВП 12-ти стран, ведущих переговоры о ТТП, составляет около 57% [27].

И, напротив, несмотря на декларируемую «центральность» АСЕАН во Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве, доминантную роль в нем будет играть Китай, на который приходится около 39% ВВП входящих в это объединение 16-ти стран [27]. По авторитетному мнению директора Института США и Канады РАН, академика С.М. Рогова, входящие во ВРЭП Япония и Индия «вряд ли смогут уравновесить китайскую мощь» [7].

Потенциальная опасность того, что одной из этих двух моделей удастся занять приоритетное положение в процессах региональной экономической интеграции, заставляет Вашингтон и Пекин рассматривать два объединения как конкурирующие, хотя с экономической точки зрения они таковыми не являются. По существу, в АТР сейчас развернулась квазиборьба между США и Китаем за право формулировать новые правила игры и создавать институты, на основе которых будет создаваться будущая региональная экономическая система. Развитие интеграции под эгидой Китая для Вашингтона чревато утратой лидерских позиций в регионе.

Вместе с тем, за созданием нового интеграционного объединения, помимо задачи закрепления своей главенствующей роли в протекающих в АТР интеграционных процессах, кроются также практические интересы Соединённых Штатов по стимулированию двусторонней торговли со странами региона. Эта задача очень важна для США, так как их позиции в этой части мира относительно других экономических субъектов и, в первую очередь, Китая, заметно ослаблены. К 2013 г. Пекин уже прочно занял место крупнейшего торгового партнёра АСЕАН в целом и многих стран АТР в отдельности, в том числе Японии, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Индии, Мьянмы, Монголии, Северной Кореи. Реализация инициативы создания ТТП будет способствовать укреплению торговли США со странами региона, а также и в целом решению непреложной проблемы Вашингтона – восстановлению американской экономики путём расширения доступа американских товаров на растущие азиатские рынки, увеличения американского экспорта, создания новых рабочих мест на экспортоориентированных предприятиях.

В целях стимулирования торгово-экономических связей со странами АТР в дополнение к ТТП Б. Обама предложил ещё целый ряд инициатив и соответствующих мер по их реализации. Так, в марте 2012 г. наконец-то вступило в действие соглашение между США и Южной Кореей о свободной торговле. В ноябре 2012 г. была запущена совместная американо-азиатско-тихоокеанская программа «ЕЗ» – расширенное экономическое сотрудничество (*Expanded Economic Engagement*), нацеленная на стимулирование торговли и инвестиций, в том числе посредством установления единых принципов выхода на рынок, прозрачности и ответственности бизнеса. В ноябре 2012 г. также было создано американо-азиатско-тихоокеанское всеобъемлющее энергетическое партнёрство (*U.S.-Asia Pacific Comprehensive Partnership for a Sustainable Energy Future*), призванное способствовать расширению доступа стран региона к источникам энергии с целью преодолеть энергетический дефицит. Участие Вашингтона включает финансирование, страхование и предоставление технической помощи для реализации энергетических проектов.

Не лишне подчеркнуть, что расширение американского экономического присутствия рассматривается в Вашингтоне как важная составляющая поддержания доминантной роли США в АТР, поскольку именно в экономической плоскости вызов возвышающегося Китая начинает трансформироваться уже в весьма осязаемую угрозу региональному лидерству США.

Расширение американского присутствия в АТР: военно-политические аспекты

В то время как «перехват» инициативы в вопросах формирования новой экономической архитектуры АТР занимает важное место в американской политике «возвращения в Азию», её центральным элементом выступает расширение военного присутствия США в регионе. Несмотря на получившую широкое распространение в XXI веке концепцию «мягкой силы», в международных отношениях по-прежнему определяющую роль продолжает играть именно военная мощь государства. Сохранение существенного военного присутствия в АТР рассматривается в Вашингтоне в качестве критически необходимой меры по защите американских национальных интересов и сохранению лидерских позиций в регионе.

В этой связи важным приложением усилий США в рамках новой азиатско-тихоокеанской стратегии стало развитие военно-политического сотрудничества со странами региона, обретение или сохранение союзников и близких партнёров. Особое значение в ней стало придаваться расширению военного присутствия в южной части АТР и усилению военно-политического сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, которая вплоть до того времени занимала незначительное место в американских внешнеполитических расчётах. В период, последовавший вслед за окончанием войны во Вьетнаме, явное предпочтение отдавалось Северо-Восточной Азии.

Первым импульсом к расширению американской вовлечённости в дела Юго-Восточной Азии стали события 11 сентября 2001 г., сделавшие международный терроризм главнейшей угрозой США. Юго-Восточная Азия, на терри-

тории которой действовали две крупные террористические организации («Джамаа аль-Исламия» в Индонезия и «Абу Сайяф» на Филиппинах), имевшие тесные контакты с «Аль-Каидой», была названа Вашингтоном «вторым фронтом» антитеррористической борьбы. В 2002 г. США и 10 стран – членов АСЕАН подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Преследуя цели уничтожить сеть террористических организаций и не допустить превращения Юго-Восточной Азии в очаг террористических операций, США стали усиливать военное сотрудничество и проводить совместные военные учения с Филиппинами, Таиландом, Сингапуром и Индонезией.

В полной мере к «возвращению» в Юго-Восточную Азию и выходу за пределы ограниченного антитеррористической борьбой сотрудничества Дж. Буш-мл. приступил только в последние годы своего пребывания на посту президента. Его курс был продолжен и расширен Б. Обамой.

Вторым импульсом к углублению взаимодействия с Юго-Восточной Азией и в целом одной из мотивационных составляющих решения США о «возвращении в Азию» послужило возвышение Китая. Поскольку прямым непосредственным конкурентом за региональное лидерство в Вашингтоне считают Китай, «перетягивание» на свою сторону ключевых стран региона и в особенности тех, которые нельзя было однозначно отнести к сферам американского или китайского влияния, было поставлено администрацией Обамы во главу угла. В центре политико-дипломатических усилий США оказались, в частности, Вьетнам и Мьянма, а также Таиланд и Филиппины, с которыми необходимо было реанимировать союзнические отношения. В то время как Пекин мог привлекать «на свою сторону» путём финансирования инфраструктурных проектов в регионе, предоставления щедрой помощи и в целом демонстрации тех высоких экономических выгод, которые сулит развитие отношений с Китаем, Вашингтон воспользовался таким важным козырем, как крайняя обеспокоенность стран региона растущей комплексной мощью их непосредственного соседа.

В целях демонстрации непоколебимости своих лидерских позиций в АТР и оказания соответствующего психологического давления на китайское руководство США предприняли ряд символических шагов. В ноябре 2011 г. США совместно с Филиппинами приняли Манильскую декларацию об усилении двустороннего сотрудничества в области обороны, призванную напомнить миру о нерушимости союза между двумя странами [4]. В ноябре 2012 г. между США и Таиландом было подписано заявление «Совместное видение американо-таиландского оборонного союза», ставшее первым подобного рода документом за полвека существования союзнических отношений двух стран. В ноябре 2010 г. и июне 2012 г. между США и Новой Зеландией были подписаны Веллингтонская и Вашингтонская декларации, открывшие новую страницу в развитии двустороннего военного сотрудничества, прерванного в середине 1980-х годов.

Между тем, повышение роли Юго-Восточной Азии в азиатско-тихоокеанской стратегии США не привело к снижению значимости Северо-Восточной Азии. Большое значение в поддержании военного присутствия в регионе придается укреплению союзнических отношений с Японией и Южной Кореей, единственными странами, на территории которых располагаются постоянные

американские военные базы. Кроме того, в целях повышения эффективности коалиций Вашингтоном предпринимаются попытки дополнения существующей системы двусторонних союзнических обязательств более обширными механизмами обеспечения безопасности с США как центром притяжения. А именно, Вашингтон пытается сделать операционными трехсторонние блоки США – Япония – Австралия, США – Япония – Индия и США – Япония – Южная Корея, последний из которых в силу сохраняющейся напряжённости в японо-южнокорейских отношениях остаётся наименее удачным примером подобного рода взаимодействия.

Вашингтон также приступил к непосредственному наращиванию своего военного присутствия в регионе, в первую очередь – военно-морских сил. В июне 2012 г. тогдашний министр обороны США Л. Панетта конкретизировал мероприятия в рамках курса на «возвращение в Азию», указав, что к 2020 г. соотношение военных кораблей, базирующихся в Атлантическом и Тихом океанах, изменится с равного на 40:60 (т.е. станет в 1,5 раза больше). В том числе в Тихом океане предлагалось разместить шесть из 10 действующих авианосцев, большую часть крейсеров, эсминцев, боевых кораблей прибрежной зоны и подводных лодок [19]. Было принято решение об увеличении численности военных кораблей США в АТР на 20% (примерно с 50 до 60 кораблей) [18]. При этом планы Пентагона включают не только количественное увеличение вооружённых сил в регионе, но и улучшение их качественных, технических характеристик. Именно в АТР США намереваются размещать наиболее передовые вооружения. Согласно планам американского военного командования, подводные лодки типа «Вирджиния» (*Virginia*) четвёртого поколения будут направлены на Гуам, ударные истребители пятого поколения *F-22* и *F-35* – на американские базы в Японию, к 2022 г. в Тихом океане будет дислоцировано 11 боевых кораблей прибрежной зоны (четыре корабля – в Сингапуре, а семь – в Сасебо, Япония) [11].

О приоритетности задачи расширения американского военного присутствия в АТР во внешнеполитических расчётах США свидетельствует тот факт, что даже в условиях секвестра федерального бюджета, предполагающего существенное сокращение расходов на оборону*, Вашингтон не отказался от своих грандиозных планов. В ходе диалога Шангри-Ла в июне 2013 г. министр обороны США Ч. Хейгл подчеркнул, что финансовые трудности не отразятся на расширении военного присутствия США в Азии [22].

Усиление вооружённых сил США в АТР, помимо наличия в регионе множества проблем безопасности, вызвано также стремительно возрастающим военным потенциалом Китая. Оборонный бюджет потенциального соперника США демонстрирует продолжительный и устойчивый рост: согласно китайским официальным данным (которые, как утверждают западные источники, существенно занижаются), в 2013 г. он возрос на 10,7% по сравнению с предшествующим годом, составив 114,3 млрд. долл., а в 2014 г. расходы на оборону будут увеличены на 12,2% от уровня 2013 г. и достигнут 132 млрд. долл. [5; 6].

* Так, 1 марта 2013 г. расходы Министерства обороны США были в одночасье сокращены на 37 млрд. долл., или на 8% в текущем финансовом году.

В военном строительстве Пекин делает акцент на укреплении военно-морского флота и увеличении масштабов военного присутствия в близлежащих морях, что связано как с необходимостью отстаивать свои территориальные притязания в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, так и со стремлением расширить возможности по ведению операций в открытом море.

Впервые курс на становление Китая в качестве сильной морской державы был публично анонсирован осенью 2012 г. на XVIII съезде КПК. На этом направлении реализуются важные инициативы: завершено строительство на южном побережье острова Хайнань крупной китайской военно-морской базы Юйлин; реализуется программа создания авианосного флота силами национальной промышленности, поставлен на вооружение первый авианосец Китая (сентябрь 2012 г.) и введён в эксплуатацию новый военный порт в Циндао, предназначенный для авианосного флота; продолжается модернизация подводного флота.

Стремительное усиление вооружённых сил Китая не может не вызывать глубокой озабоченности в Вашингтоне. Если не брать в расчёт США, Китай уже сейчас обладает крупнейшим флотом подводных лодок, надводных и десантных кораблей в АТР. По данным американского Министерства обороны, ВМС НОАК включают 79 передовых надводных боевых кораблей, более 55 подводных лодок, 55 десантных кораблей и порядка 85 оснащенных ракетами кораблей [17, р. 6]. В связи с обострением территориальных споров Китая с Филиппинами, Вьетнамом и Японией, последние годы отмечены ростом численности китайских кораблей, патрулирующих акватории Южно-Китайского, Восточно-Китайского и Жёлтого морей, а также расширением полевых аэродромов и военных укреплений Китая на спорных островах Сبراتли и Парасельских. Расширение военного присутствия Китая в АТР достигается также путём получения доступа к зарубежным азиатским аэропортам, взлётно-посадочным полосам, морским портам, радиолокационным базам.

В этой связи, на фоне расширения масштабов военного присутствия Китая в Восточной Азии для США как государства, территориально не находящегося в этом регионе и испытывающего так называемую «тиранию расстояния»^{*}, принципиальное значение приобретает задача получить доступ к азиатским военным базам. При этом в последнее десятилетие в военной стратегии США происходит постепенный отказ от имевшей место во времена «холодной войны» практики односторонней опоры на содержание дорогостоящих крупных постоянных военных баз за рубежом. Акцент в расширении военного присутствия теперь делается на так называемом «гибком базировании», предполагающем рассредоточение по всему АТР ограниченного американского воинского континента на ротационной основе, а также периодическое использование военных баз иностранных государств для проведения военных (или спасательных) операций и учений.

В настоящее время США располагают постоянными военными базами в Японии и Южной Корее, имеют значительный воинский контингент на остро-

^{*} Так, например, Сингапур и Корейский полуостров удалены от американского Сан-Диего на 8 900 и 6 050 миль соответственно [25, р. 19].

вах Гуам и Гавайских, пользуются доступом к тайской военно-воздушной базе Утапао, сингапурским базам ВВС Пайя-Лебар, ВМС Чанги, порту Сембаванг (согласно договорённости двух стран 2012 г. о размещении в Сингапуре на военно-морской базе Чанги четырёх американских боевых кораблей прибрежной зоны, первый из которых, корабль «Фридом» (*Freedom*), прибыл в Сингапур в апреле 2013 г.).

Не менее важной можно считать и обнародованную Вашингтоном и Канберрой в ноябре 2011 г. договорённость двух стран о размещении на севере Австралии в г. Дарвине американских морских пехотинцев и о расширении использования американцами военно-морских и военно-воздушных баз в Австралии (ВВС Тиндал и ВМС Стерлинг). Во исполнение договорённости в апреле 2012 г. в Дарвин прибыло 200 американских морских пехотинцев. К концу 2014 г. их численность возрастёт до 1150 человек, а к 2016 г. – до 2500.

Помимо расширения масштаба присутствия вооружённых сил, США существенно интенсифицировали совместные военные манёвры со многими странами региона и, в особенности, с Индией, на которую приходится свыше трети проводимых Тихоокеанским командованием США совместных манёвров, а также с Японией, Южной Кореей, Таиландом и Малайзией. В 2013 г. лишь за период с мая по август было проведено, по меньшей мере, семь совместных учений в Восточной Азии общей продолжительностью 64 дня, что равнозначно тому, как если бы США проводили учения через день. Также значительно возросла численность визитов американских военных кораблей в порты стран АТР. География визитов весьма широка: Филиппины, Австралия, Таиланд, Сингапур, Индонезия, Япония, Малайзия, Южная Корея, Гонконг, Вьетнам.

В свою очередь, под пристальным вниманием Вашингтона находятся военно-морские манёвры Китая, масштабы и частота которых стремительно увеличиваются, а решаемые операционные задачи усложняются. Непосредственным вызовом для США стало расширение Китаем своего морского присутствия в Западной части Тихого океана. Летом 2012 г. были проведены крупнейшие за всё предшествующее время учения НОАК за пределами «первой островной цепи» с выходом в Тихий океан [23]. Возросшие способности ВМС Китая преодолевать «первую островную цепь» и беспрепятственно выходить в Тихий океан были продемонстрированы в июле 2013 г., когда китайские суда впервые в своей истории проплыли через расположенный между островами Сахалин и Хоккайдо пролив Лаперуза. Тревога Вашингтона возрастает не только в связи с ростом операционных возможностей ВМС Китая, но и ввиду изменений подходов Китая к действиям на море. Так, с 2012 г. Китай в нарушение отстаиваемого им принципа полного запрета навигации иностранных военных кораблей в исключительной экономической зоне прибрежного государства стал проводить военные манёвры в пределах исключительной экономической зоны США, а именно в районах островов Гуам и Гавайи [17, р. 39].

Предпринимаемые Китаем меры по усилению своих военно-морских сил и наращиванию военного присутствия в акваториях морей Восточной Азии и в Тихом океане обусловлены стремлением реализовать две важнейшие задачи: стать сильной морской державой и защитить суверенитет и территориальную целостность государства. Актуальность второй задачи возросла в последние

несколько лет, когда в регионе разгорелась настоящая схватка по вопросам свободы навигации в акватории Южно-Китайского моря, а «тлевшие» на протяжении десятилетия с конца 1990-х годов территориальные споры вокруг островов Парасельских, Спратли и Дяоюйдао вспыхнули с новой силой. Всплеску напряжённости способствовали, с одной стороны, усиление напористости Китая в утверждении своих прав на эти спорные территории и акватории, датированное 2007–2008 гг., а с другой – изменение с середины 2010 г. позиции Вашингтона в этих вопросах от дистанционирования к активному посредничеству [2, с. 36–40]. При этом возросший интерес к проблематике Южно-Китайского моря США объясняют увеличившимися объёмами грузоперевозок со странами-партнёрами, проходящими через акваторию Южно-Китайского моря. Через Южно-Китайское море также проходят важные для американских ВМС морские коммуникации, связывающие Тихий и Индийский океаны и ведущие на Ближний Восток. Определённую роль в стратегических расчётах США играет и заинтересованность крупнейших американских энергетических компаний (в особенности, «Шеврон», «КонокоФилипс», «Эссон-Мобил») в разработке нефти и газа на шельфе Южно-Китайского моря.

Вмешательство Вашингтона в территориальные споры Китая с группой стран – членов АСЕАН в Южно-Китайском море и с Японией в Восточно-Китайском море оказалось действенным методом реализации американской политики «возвращения в Азию». Вашингтону удалось найти «слабое место» в китайской стратегии «экономических пряников» и «улыбок» в отношении восточноазиатских государств. Искусно эксплуатируя существующие между Китаем и восточноазиатскими государствами территориальные противоречия, США решают целый спектр задач: укрепляют отношения с вовлеченными в эти споры Филиппинами, Вьетнамом и Японией, расширяют поле взаимодействия с АСЕАН и сдерживают возрастающее региональное влияние Китая путём его дискредитации. В связи с обострением территориальных противоречий, буквально за считанные месяцы разрушился так тщательно выстраиваемый Пекином положительный имидж Китая, а его «мягкая сила», равно как и его дипломатическое влияние в регионе, драматически упали. Некоторые страны Восточной Азии предприняли переоценку подходов к развитию военно-политических отношений с США в пользу преодоления частных противоречий и налаживания более тесного сотрудничества с державой, способной выступить противовесом усиливающемуся Китаю.

Вместе с тем, игра Вашингтона на существующих между азиатскими странами территориальных противоречиях или, как её назвал китайский исследователь Лю Фэйтао, «передовая дипломатия» США [14] имела и такие негативные последствия как ужесточению позиций сторон, оспаривающих принадлежность островов и акваторий. В результате многократно увеличилась численность различного рода инцидентов и фактов противостояния судов различных государств в акваториях Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей и воздушных пространствах над ними. С 2011 г. обстановка в Восточной Азии существенно дестабилизировалась. Обострение ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях привело к росту обеспокоенности за свою безопасность практически всех без исключения восточноазиат-

ских государств, что побудило их увеличивать расходы на оборону и заняться форсированным укреплением вооружённых сил.

В целом, отчётливо проявляющееся с 2009 г. военно-политическое соперничество США и Китая в АТР приводит к милитаризации региона, новому витку гонки вооружений, росту региональной напряжённости. АТР как регион, которому на протяжении предшествующих трёх десятилетий удавалось сохранять относительно стабильную ситуацию в сфере безопасности, превратился в место сосредоточения нескольких очагов напряжённости, каждый из которых сейчас находится в стадии обострения. Серьёзность сложившейся ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях настолько высока, что при поиске странами региона путей разрядки речь уже идёт не о разрешении территориальных противоречий, а хотя бы о консервации текущего состояния, о недопущении дальнейшего углубления споров.

Как показывает развитие событий за пятилетний период с 2009 по 2014 г., постоянно декларируемое Вашингтоном в качестве главной мотивации его регионального присутствия стремление создать более безопасную ситуацию в АТР вступает в открытый диссонанс с результатами его политики «возвращения в Азию». Ситуация в АТР не только не стала более безопасной, а, напротив, – обострилась до невиданных с момента окончания «холодной войны» пределов. Это ставит США перед серьёзной дилеммой: продолжать реализовывать политику «возвращения в Азию» с опорой на наращивание военно-политического присутствия, расширение вовлечённости в территориальные споры между Китаем и его соседями и дискредитацию Китая среди азиатских государств, что будет приводить к дальнейшему осложнению американо-китайских отношений и росту напряженности в АТР; или отказаться от «агрессивного» пути наращивания своего присутствия в регионе, обратившись к «мягким», экономическим методам, что потенциально может привести к потере региональных лидерских позиций США.

Как представляется, опора на наращивание экономического присутствия вряд ли приведёт Вашингтон к достижению цели сохранения лидерских позиций, поскольку в экономической плоскости США достаточно трудно конкурировать с КНР в масштабах региона: торгово-экономические связи стран АТР с Китаем уже слишком тесны, Китай – двигатель экономического роста и развития региона, заинтересованность стран региона в развитии торгово-экономических контактов именно с Китаем высока, вера в США как страну, которая придет на помощь в случае кризиса со стороны многих стран АТР подорвана. Более того, продвигаемое Вашингтоном Транстихоокеанское партнёрство пока имеет весьма невысокие шансы стать приоритетной моделью региональной экономической интеграции, в то время как перспективы Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства можно назвать благоприятными. Так, в частности, администрации Обамы не удалось выполнить широко анонсированную цель завершения переговоров о создании ТТП к концу 2013 г. Перспективы ТТП ставит под вопрос целый ряд экспертов, указывающих на маловероятность ратификации договора о ТТП не только парламентами некоторых азиатских стран, но и самим американским Конгрессом.

Результаты осуществленного Б. Обамой во второй половине апреля 2014 г. официального турне в четыре восточноазиатские страны (Японию, Южную Корею, Малайзию и Филиппины) подтверждают вероятность того, что «возвращение в Азию» будет достигаться посредством наращивания именно военно-политического присутствия. Так, в ходе того визита американскому президенту не удалось разрешить с Токио разногласия, касающиеся доступа на японский рынок сельскохозяйственной и автомобильной продукции, что является важным условием вхождения Японии в ТТП и в целом серьёзным шагом вперёд в вопросе заключения «соглашения XXI века». На фоне отсутствия прогресса в переговорах по ТТП резким контрастом выступают сделанные Б. Обамой в ходе азиатского турне заявления и инициативы, свидетельствующие об усилении военной составляющей в региональной стратегии Вашингтона: впервые на уровне президента было публично заявлено о том, что действие статьи 5 Американско-Японского договора о безопасности 1960 г.* распространяется на острова Сэнкаку/Дяоюйдао; была выражена поддержка намерения Японии использовать право на коллективную оборону; с Манилой было подписано 10-летнее соглашение, предусматривающее расширение присутствия американских военных на Филиппинах, в частности, размещение там американских разведывательных самолетов и военных кораблей.

Выстраивая прогноз, можно также предположить, что в обозримом будущем в ходе реализации курса на «возвращение в Азию» Вашингтон будет испытывать большие сложности в части практической имплементации заявленных Б. Обамой инициатив и поставленных в регионе целей. Это связано даже не столько с трудностями, которые продолжает испытывать американская экономика, сколько с вновь осложнившейся ситуацией на Ближнем Востоке и очередным витком ухудшения отношений с Россией в связи с украинским кризисом. Систематические заверения американской администрации в своей непоколебимой решимости развивать азиатско-тихоокеанский вектор внешней политики, как, например, выступление советника американского президента по безопасности С. Райс, заявившей в ноябре 2013 г., что США будут углублять свою вовлечённость в этот критически важный регион вне зависимости от того, сколько ещё «горячих точек» появится на планете [20], звучат на фоне современной ситуации недостаточно убедительно. Как справедливо было замечено в «Нью-Йорк таймс», проблема Б. Обамы состоит в его способности превращать идеи и амбиции в устойчивую политику [13]. Ставшее реальностью с 2014 г. сильнейшее противостояние США с Россией и ситуация в Украине принципиально меняют геополитическую картину миру, на основе анализа которой за пять лет до этого выстраивался внешнеполитический курс Обамы «Возвращение в Азию». Эти изменения непременно вынудят Вашингтон снизить степень своей вовлеченности в дела АТР и отказаться от целого ряда ранее анонсированных инициатив в этом регионе.

* В статье 5 Американско-Японского договора о безопасности 1960 г. содержатся обязательства США по обеспечению мира и безопасности территорий, находящихся под управлением Японии.

Список литературы

1. *Ковш А.В.* Экономические аспекты американской вовлеченности в дела Азиатско-Тихоокеанского региона // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы / Под ред. Б.А. Ширяева, И.А. Цветкова, Я.В. Лексютинной. СПб.: СПбГУ, 2012. 260 с.
2. *Лексютин Я.В.* Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 30–41.
3. *Локшин Г.М.* Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М., 2013. 240 с.
4. *Мамонов М.* Возможна ли война между Америкой и Китаем // Международные процессы. Т. 10. № 2 (29). Май–август 2012 (<http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/14.htm>).
5. Новый оборонный бюджет на 10,7% выше, чем в прошлом году // Жэньминь жибао он-лайн. 06.03.2013 (<http://russian.people.com.cn/31521/8155189.html>).
6. Расходы на оборону в бюджете Китая увеличатся на 12,2 % в 2014 году // Жэньминь жибао он-лайн. 05.03.2014 (<http://russian.people.com.cn/31521/8554674.html>).
7. *Рогов С.М.* Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 30.04.2013 (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783&active_id_11=38#top).
8. *Сенин Р.А.* АСЕАН – Соединённые Штаты Америки // АСЕАН в начале 21 в. Актуальные проблемы и перспективы / Под ред. *Е.В. Кобелева, Г.М. Локшина, Н.П. Малетина.* Москва: ИД «Форум», 2010. 368 с.
9. *Clinton H.* America's Pacific Century. 10.11.2011 (<http://www.state.gov/secretary/rm/2011/11/176999.htm>).
10. Joint Declaration on the Launch of Negotiations for the Regional Comprehensive Economic Partnership. 20.11.2012 (<http://www.mfat.govt.nz/Trade-and-Economic-Relations/2-Trade-Relationships-and-Agreements/RCEP/jointdec.php>).
11. *Keck Z.* U.S. Chief of Naval Operations: 11 Littoral Combat Ships to Asia by 2022 // The Diplomat. 17.05.2013 (<http://thediplomat.com/flashpoints-blog/2013/05/17/u-s-chief-of-naval-operations-11-littoral-combat-ships-to-asia-by-2022/>).
12. *Kurtenbach E.* APEC Nations Pledge Support for TPP // China Post. 15.11.2011 (<http://www.chinapost.com.tw/business/global-markets/2011/11/15/322959/APEC-nations.htm>).
13. *Landler M., Rudoren J.* Obama Suffers Setbacks in Japan and Mideast // The New York Times. 25.04.2014 (http://www.nytimes.com/2014/04/25/world/asia/obama-asia.html?_r=0).
14. *Liu Feitao.* Obama's Rebalancing to the Asia Pacific. 4.09.2013 (http://www.ciis.org.cn/english/2013-09/04/content_6272923.htm).
15. *Manyin M., Dagget St., Dolven B, et al.* Pivot to the Pacific? The Obama Administration's "Rebalancing" Toward Asia. CRS Report for Congress. 28.03.2012.
16. *Masahiro Kawai, Ganeshan Wignaraja.* Addressing the challenges of Asian FTAs // East Asia Forum. 10.06.2013 (<http://www.eastasiaforum.org/2013/06/10/addressing-policy-challenges-of-asian-ftas/>).
17. : Military and Security Developments Involving the People's Republic of China Annual Report to Congress 2013 (http://www.defense.gov/pubs/2013_china_report_final.pdf).
18. *O'Rourke R.* China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities – Background and Issues for Congress. CRS Report for Congress. 5.09.2013.

19. *Panetta L.* Speech Delivered at the Shangri-La Security Dialogue. 2.06.2012 (<http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1681>).
20. Remarks As Prepared for Delivery by National Security Advisor Susan E. Rice “America’s Future in Asia”. 20.11.2013 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/21/remarks-prepared-delivery-national-security-advisor-susan-e-rice>).
21. Remarks by President Barack Obama at Suntory Hall. 14.11.2009 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall>).
22. Remarks by Secretary Hagel at the IISS Asia Security Summit, Shangri-La Hotel, Singapore. 1.06.2013 (<http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=5251>).
23. Statement of Admiral Samuel J. Locklear, U.S. Navy Commander, U.S. Pacific Command Before House Armed Forces Committee on U.S. Pacific Command Posture. 5.03.2013 (<http://www.pacom.mil/documents/pdf/20130305-hasc-adm-locklear-posture-statement.pdf>).
24. State’s Blake at House Hearing on South Asia. 26.02.2013 (<http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2013/02/20130226143077.html#axzz2mjTrCIGt>).
25. U.S. Force Posture Strategy in the Asia Pacific Region: An Independent Assessment / Ed. by *D. Berteau, M. Green*. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2012.
26. U.S. TradeStats Express// International Trade Administration. U.S. Department of Commerce. (<http://tse.export.gov/TSE/ChartDisplay.aspx>).
27. World Development Indicators Database.